

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Четырехполюсник восьмого года. Часть 2: Окончание.

ФИЛЬМ О ФИЛЬМЕ

Знаете же, что это такое? Берется какая-то культовая лента, хоть «Мимино», хоть «Амаркорд», и зрителю показывают/рассказывают коловращение тусовки вокруг нее в период создания, а также до и после. На каком диване актрисы проходили пробы, как гример обматерил дирижера, и какие фрагменты шедевра цензоры-параноики зарезали напроочь, а второй ассистент третьего помрежа — настоящий герой — сохранил для истории. В общем и целом, если фильм хорош и артисты известные, занимательно и познавательно, но иногда оторопь берет и становится неловко за «гаф» — ы, допущенные великими мира сего.

Но сами мы местные, ни под каких великих не косим, гавкаемся тут от рассвета до заката (зато от заката до рассвета сиськи-письки, бывает, показываем — это, понимаешь, посильней чем «Эммануэль» Кристель), поэтому, не обессудьте, кое-какие обрывочные воспоминания и статистические заметки для целостности образа героини. Образ героя в дополнительных штрихах не нуждается.

Мы с Лариком встретились еще 4—5 раз, на протяжении последующих 2 — 2.5 месяцев. Этот ее самостоятельный приезд в Эмск был первым и последним. Все остальные разы, я заезжал в ее городок, дожидался возле школы окончания работы, сажал в машину и вез в Эмск. А после привозил обратно, но высаживал всегда в разных местах. Правда же, «села в машину после работы» не настолько большой компромат, как «привезли после секса к подъезду»? Или, может, заботилась о моей безопасности?

Все встречи, включая и первую вышеописанную, были достаточно длительными. 4 часа как минимум, а то и больше. Разочек ей удалось залегендировать и ночную отлучку, и мы переспали не только в переносном, но и прямом смысле слова. А один раз Лариса отменила свидание в последнюю минуту, приведя в тот момент доводом форс-мажорное обстоятельство, которое не подтвердилось спустя несколько дней. Должна же быть в женщине какая-то загадка?

Кафе-рестораны мы больше не посещали, я покупал готовую еду и напитки (Ларик все равно ела как цыпленок), и старались все доступное нам время проводить в ласках и беседах, не отвлекаясь даже на телевизор. Собственно интим-процесс всегда был похож на вышеописанный. С момента входа в квартиру набрасывание друг на друга, поцелуи, ласки, взаимное раздевание, душ при необходимости, минет, секс, секс, секс, минет, кончание в рот. Один раз не донес, выплески начались в районе шеи-подбородка, так Ларик потом включила стерву, десять минут крутилась перед зеркалом, высматривая, не попали ли капли спермы ей на волосы, и десять раз спросила меня, не пропахли ли они данной субстанцией. И кстати, не любила «мужикальные паузы», считала, что если секс начался, то он должен завершиться как положено природой, иначе что-то не в порядке у одного из партнеров.

Как я уже писал, все это время нахождения на квартире, от первого разоблачения до поры, когда следовало начинать собираться обратно, Ларик щеголяла полностью обнаженной: возможно, тому причиной мое искреннее восхищение и векторный поток восторженных флюидов в ее сторону, а возможно, некая склонность к нудизму, разве кто может сказать точно? Не считая, конечно, солнечных очков, которые она носила постоянно, вне зависимости от степени освещенности, и снимала (или сдвигала наверх) перед поцелуями

или минетом.

Один раз, помню, ехали долго, менты как назло привязались, ничего конкретно не предъявили, но долго и нудно проверяли все документы, в общем, пока доехали, я уже извелся от желания и еле избегал аварий на последнем участке, моя правая рука как нырнула Ларке между ног, так и не желала явиться обратно; так вот, в тот день вначале, если мне память не изменяет, мы не целовались и душ не посещали, хотя она была после работы, а я после дороги. Мы лихорадочно разделись — сами, без помощи друг друга, чтобы быстрее; обгоняя друг друга, побежали к дивану; Ларик быстро встала в коленно-локтевую позу, я ей с ходу засандалил, и мы сколько-то минут самозабвенно трахались, пока она не кончила (один раз точно, хотя потом утверждала, что дважды), а я чуток не пришел в себя и не решил, что теперь пора приступить к прелюдии. И наконец снял с нее очки.

Любила подмечать малейшие нюансы моего (и своего) поведения в постели. И если вдруг выяснялось, что я чего-то упустил, радовалась, как маленькая девочка, уличившая Деда Мороза в бороде из ваты. Например, разбирая по косточкам наш первый секс, когда я ненароком упомянул, что подметил ее оргазм и решил, что уже самому можно кончать, Ларик фыркнула: — Пффф... ты один только заметил, что ли? Их три было вообще-то.

Да хоть десять! Буду только рад.

Любила резкость, напор, максимальную активность мужчины, сама же предпочитала лежать и кайфовать, даже в вопросе минета она намного чаще побуждала меня трахать ее в рот, чем сосала сама. Не припомню, чтоб взгромоздилась на меня и насаживалась амазонкой. Не годится для царицы на хую скакать, ага! Но, с другой стороны, может какие-то позы-растяжки были для нее болезненны и дискомфортны, а гордость секс-оторвы не позволяла в этом сознаться, кто может знать?

Иногда бывала противоречива, и упорствовала до последнего. Вот характерный пример. Как-то в пылу страсти я переусердствовал, и почувствовал, что зацеловывая яростно лицо, губы, шею, плечи, причинил ей боль, она аж пискнула, да и щетиной прошелся наверняка как наждачкой. Потом, при разборе полетов, извинился. Ларик тут же возразила: — Да ну, о чем ты? Мне даже нравится боль. И не такое терпела. — А давай тогда в следующий раз я принесу гель и попробуем лишить девственности твою попку. Первый раз, ты знаешь, может быть больно. Вытерпишь? — Запросто!

Представляете, да, мое зашкаливающее возбуждение перед «следующим» разом? Началось все нормально. Пососала, встала раком, выпятила попку. Честно вытерпела смазку и проникновение одного пальца. На мои вопросы отвечала, мол, терпимо, давай уже. Но едва анус начал расширяться под напором головки, даже половина не вошла, как она молча, без стонов и криков, без телесных и словесных проявлений боли, отстранилась, спрыгнула с постели и... начала одеваться с явным намерением уйти. Мне стоило немалых усилий убедить, чтоб не обижалась, что раз по факту анал — не ее вид, то никто ее не будет насиловать и принуждать. По молчаливому уговору, этот фрагмент в «разборах полетов» мы не обсуждали, а напрасно. Мне думается, ей было не столько больно, сколько показалось, что вот-вот случится казус с недержанием, а признаться постеснялась. Так что, каюсь перед читателями, не сдержал я обещания выебать Ларика в жопу.

Еще два фрагмента, несколько отличающиеся от общей канвы наших типичных интимов, случились в ту самую единственную ночь, которую мы смогли провести вместе. После двух полноценных раундов с продолжительной беседой между ними, мы — усталые и довольные,

уснули. Но спустя два или три часа я внезапно проснулся. То ли мозг дал команду члену не дрыхнуть, а воспользоваться близостью молодого горячего тела, то ли автономно вставший член потребовал от верховной власти пойти навстречу требованиям низов, но факт остается фактом. Я погладил Ларика по спине и попе, я поцеловал ее в затылок и плечи, я прошелся пальцами по разрезу между ягодицами вниз и дальше, я убедился, что естественной влажности должно быть достаточно для нормального внедрения, и на всякий пожарный смочив слюнями головку члена, лег на нее, стараясь не придавить своим центнером ее более чем наполовину меньший вес, и вставил. Шло, честно говоря, туговато. И если во время увертюры ее сопение было неизменно (она честно спала), если во время подготовки проникновения оно чуть поменялось и какими-то микродвижениями она легла поудобней для его осуществления (поняла в полусне, что ее сейчас будут трахать), то с началом фрикции каким-то кряхтеньем и бессловесным ворчанием дала понять, что ей дискомфортно, в то же время оставаясь в рамках ролевой игры «трахни меня спящую и бесчувственную». Я не стал долго мучить ее таким «пассивным насилием». Тихонько спросив о желанности продолжения и не получив никакого ответа (правила игры положено соблюдать), я извлек из нее нарушителя спокойствия (который и без того стал терять эрекцию, видя нежеланность соития), повернулся набок, прижался спиной к ее теплому боку и постарался уснуть.

Наутро во время завтрака, обсуждая прошедшую ночь (я уже писал, что Ларик любила досконально разбирать проведенные интимы, припоминая мельчайшие детали акта и рассказывая о своих мыслях и впечатлениях, а также требуя от меня аналогичной аналитики), я с удивлением узнал, что мне не следовало останавливаться и прерывать коитус, что никакого неудовольствия она не выражала, потому что спала, а если и выражала, то какое это имеет значение, если мне захотелось секса? С обоснованием, что мы как раз и встречаемся для секса, а значит, абсурдно отказывать себе в удовольствии. Не напоминая о неудачной попытке анала, я кивнул и сказал, что в следующий раз обязательно так и поступлю. Увы, следующего раз (в смысле, совместной ночевки) больше не случилось.

Второй же памятный фрагмент той ночи был, можно сказать, уже засветло утром, незадолго до окончательного пробуждения. Сквозь сладкую дрему я ощутил приятность ее прикосновений к моему телу, и поняв, что ей хочется второго тайма игры «секс во сне», поддался ее движениям и перевернулся на спину (обычно я сплю на боку), в то же время не открывая глаз и стараясь максимально правдоподобно притворяться спящим. И вот что я видел, когда на краткие мгновения размыкал веки и наблюдал за Лариком сквозь щелочки в ресницах. Расположившись между моих ног, Ларик изучала мужской половой орган. Она не дрочила и не ласкала его, она не выражала намерения взять его в рот, несмотря что лицо ее было довольно близко к низу моего живота. Бросая временами настороженные взгляды вверх (не проснулся ли я), она то двигала его в том или ином направлении, то сжимала, то крутила, то пыталась согнуть, то отодвигала кожицу до предела, то пыталась полностью натянуть крайнюю плоть на головку. Потом, придерживая одной рукой ствол, чтобы не мешал, стала другой исследовать яйца. Приподнимать то одно, то другое, то оба вместе. Ощупывала мошонку со всех сторон, изучая видимо, где мягкая ткань соединяется с переменчивой твердью нефритового стержня, а где незаметно переходит в постоянную твердь телесной оболочки. Хорошо, что хватило интуитивного или осознанного понимания не сжимать яйца сверх меры и не царапать. Когда ж ее шаловливые пальцы стали продвигаться дальше, я «проснулся».

Притянул властным жестом ее голову к себе, поцеловал в губы, потерял соски, потискал ягодицы, уложил головой на подушку, примостился сам на коленях рядом и наконец вставил ошалевший от вышеописанных издевательств член глубоко в рот Ларике. Он тут же позабыл все обиды и стал поршнем снова туда-сюда, пару раз мимоходом проскользнув и до горла: Лариса владела навыками глубокого минета, но очень недолго — буквально на несколько секунд/движений. Потом я сместился вниз, уложил ее горячие бедра на свои, парой дразнящих движений развел лепестки ее сокровенного цветка и внедрил в смачные глубины женского естества, балдея от страсти и телесных ощущений, упиваясь этим бесстыжим видом и горящими глазами Ларика, неотрывно смотрящей, как разбухший до предела член пронзает и таранит ее худенькое тельце. Хорошо тебе, моя хорошая? Сладко тебе, моя сладкая? Ритмика твоих «цап-царапов» уже дважды поменялась, так что, видать, пора и мне бы в небо. Бережно, как хрупкую игрушку, снимаю Ларису с моего пылающего копья, и на сей раз не смещаюсь вверх, к ее чарующему роту, а наоборот, подтягиваю ее как пушинку головой себе между ног, к подрагивающему от нетерпения орудию мужской страсти. Романтика тут смешивается с порнографией, ибо последние секунды я грубо ебу любовницу в рот, хуй исторгает внутрь струи спермы одну за другой, я почти ничего не чувствую, кроме вселенского кайфа, и лишь спустя бесконечно большое число бесконечно малых квантов времени периферийные нервные импульсы доносят до сознания бонусы: язычок и губки Ларика нежно посасывают головку члена, а ее ручки, продираясь сквозь мех, значительно сильнее царапают ногтями нижнюю часть моих ягодиц. Правда же, неизменно? Минет, трах, кончание в рот — как я и писал выше. Плюс пара-тройка ее сопутствующих оргазмов, если верить на слово.

Однако, эта неизменность ничуть не помешала ей при том же «разборе полетов» во время завтрака найти кучу отличий от предшествующих соитий. И хранить гробовое молчание насчет изучения члена и его окрестностей. Ларик любила позиционировать себя долго прожившей и много повидавшей особой, утомленной от насыщенной жизни и проявлений мужского внимания. Разве может такая женщина признаться, что имеет о чем-либо смутное представление и снисходит до его исследования?

Может показаться странным, но при всем неподдельном интересе к ощущениям и мыслям во время секса (как своих, так и партнера), Ларик проявляла удивительную индифферентность, когда речь заходила о других женщинах — моих партнершах того или предшествующего периода. Попросив меня рассказать о каких-то примечательных эпизодах, она с одобрением (и даже возбуждением) восприняла информацию об обмене смс-ками с Эммой во время нашей первой встречи. Однозначно дала понять, что если такая ситуация повторится, то ничуть не возражает против «прямого репортажа», и вообще против секса, сопровождающегося бытовыми процедурами. Но — естественным образом, а не подстроенным. Один раз такое удалось: зазвонил мой телефон во время траха, и Ларик сподвигла меня взять трубку и разговаривать параллельно фриക്ഷиям, правда, продлилось это недолго. Еще разочек она сама попыталась такое продемонстрировать ответно, прокомментировав какую-то новость из телевизора. Я-то подхватил, но Лариса уже отвлеклась и погрузилась в сексуальные ощущения, не требующие озвучки.

Также сочла необходимым предупредить (в самом начале второй встречи зашла речь и о таком формате), чтобы я вдруг не вздумал без ее согласия организовать групповуху с ее участием. Мол, теоретически ей это нравится, да, но на практике много подводных камней, и

она себя пока не считает готовой к таким отношениям. И сейчас я скажу одну парадоксальную для DD вещь. Почему-то мне самому не очень хотелось настолько ее раскрепощать, даже в формате ЖМЖ. Так что разочек для проформы попозже намекнул, конечно, но готовности не было, и тема была закрыта.

Из непосредственно не связанных с ней случаев, ей понравились два вроде бы противоположных эпизода: безболезненная и растянутая по времени дефлорация девочки-весны Оксаны (у самой Ларисы от первой брачной ночи остались весьма неприятные воспоминания), и ситуация с «изнасилованием» Светы из «Романа в главах». Правда, она считала, что я должен был, воспользовавшись шансом «разрешенного насилия», после начального и необычного для нас, но логичного в той ситуации вагинального акта (долгие годы мы со Светой практиковали анал и только анал), не перейти к привычному способу заднего проникновения, а дать ей в рот и кончить туда же, именно с учетом того, что Света не любила и не умела сосать, чтобы тем самым весь эпизод приобрел целостность в своей нестандартности. Как бы отнеслась к такому финалу Света — Лару не волновало совершенно. Саму же Эмму, равно как и других женщин, не считала соперницами, и резонно полагала, что раз я в данный момент с ней, то и без слов понятно, кому отдан приоритет. Считала себя (и видела в этом свою схожесть со мной) начисто лишенной чувства ревности, что будет показано ниже.

Случай распорядился так, что именно Ларик стала первой женщиной, которая узнала о блокнотике и своем номере в нем. Конечно, чуть позже о новосозданном документе узнала и Эмма, и другие мои хорошие и верные подруги, но по факту случилось так, что именно с Лариком я встретился сразу после тех памятных выходных, когда по просьбе одной виртуальной собеседницы из Санкт-Петербурга сел и записал на бумагу имена всех своих партнерш до того момента. Тем более, что и число оказалось круглым для аййтишников — 64. — Неплохо! — сказала с одобрением Ларик, узнав о предыстории возникновения и принципах пополнения блокнотика. — А до ста дотянешь? — Постараюсь! — ответил я с улыбкой и погладил ее по коленке. Как раз мы были в машине, я отвозил ее домой после очередной встречи. — А ты совсем не ревнуешь, что ли? — Абсолютно! — твердо провозгласила моя молодая любовница и подписала это заявление своим фирменным жестом — царапнула ногтем мне по ладони. — Хоть высади меня тут, а через десять метров другую подбери — слова поперек не скажу!

ФИНАЛЬНЫЕ ТИТРЫ

Ближе к концу декабря две тысячи восьмого года Ларик поехала отдыхать на море. Якобы подвернулась горящая путевка по бросовой цене. Подумав, что на Красное или Средиземное, я не очень удивился. Но Ларик уточнила — на Черное и именно российского побережья. Попросила не звонить, якобы в руминге деньги улетают со свистом. — Смс-кой на Новый Год поздравить можно? — спросил я. — Входящие сообщения в любом случае бесплатны. Можешь не отвечать, я не обижусь. — Можно! — чуть поразмыслив, великодушно согласилась Ларик. И добавила, — ты что? Отвечу, конечно!

Не обманула, ответила. И это был наш последний информационный обмен на много лет вперед. Ибо в самом скором времени анкета на Мамбе была удалена, номер изменен, а секретарша «Эльской» школы уволилась по семейным обстоятельствам.

Позже я узнал — это был типичный случай «подстроенного сватовства». Еще позже, лет через пять, не меньше, я обнаружил в одноклассниках анкету с реальным национальным

именем и девичьей фамилией в скобках, владелица которой оставляла впечатление (впрочем, почему оставляла — на самом деле стала таковой) чинной и благополучной замужней дамы, с минимумом своих фотографий и максимумом детских. На некоторых фигурировал муж — не писанный красавец и не мускулистый качок, но добрый малый с открытым и честным лицом, украшенном пышными усами.

Я постучался, мы обменялись несколькими благовоспитанными репликами. О жизни и работе, здоровье и успехах детишек. Было ясно, что Ларик как зеницу ока бережет семейное благополучие и материнское счастье, и на пушечный выстрел не подпустит к «комиссарскому телу» ни меня, ни других претендентов, буде они будут, справедливо опасаясь стать жертвой нелепой случайности и в единый миг лишиться сбывшейся мечты. И рассудив совершенно здраво, отсекая пути соблазна, предупредив и попросив заранее прощения, поблагодарив в прощальном послании за все, что было, и заверив, что она никогда меня не забудет

(прорвалась-таки сквозь личину солидной дамы Ларисы озорная девчонка Ларик), в один прекрасный день ее анкета оказалась доступна «только для друзей», а я — вне этого списка.

Я не обижаюсь на тебя, милая девочка Ларик, моя нежная и ласковая любовница, которая любила притворяться стервой... А потом мы вместе смеялись над взбрыками и наездами, и утрировали их до абсурда... Мы самозабвенно любили друг друга, не упуская ни единой секунды близости, а потом делились всем, что взбрело в голову...

Я не обижаюсь на тебя, Ларик! Но если б ты знала, как мне иногда не хватает тебя...

РЕЖИССЕРУ «ФИЛЬМА О ФИЛЬМЕ»

Уважаемый!

Я Вас прошу отыскать в архивах и смонтировать в виде набирающего скорость калейдоскопа для эффектного завершения «Фильма о фильме» четыре нижеописанных кадра, максимально ярко характеризующую героиню в глазах героя: — Ларик самозабвенно сосет; — Ларик упоенно трахается; — голая Ларик вольготно сидит на стуле и о чем-то увлеченно рассказывает; — вполне пристойно одетая Ларик со счастливой улыбкой на лице держит за руку одного ребенка, а на другой руке — второго младенца. В двух последних кадрах она в солнечных очках.

После чего контур LL накоротко замкнуть!